

Глава 17

Митрофан 2-й (Митрофан Симашкевич), 1907–1915

Митрофан Васильевич Симашкевич родился в 1845 году в семье священника Каменец-Подольской епархии. В 1871 году окончил С.-Петербургскую духовную академию и был определен преподавателем Св. Писания в Подольскую духовную семинарию. В 1875 году он защитил диссертацию на степень магистра богословия и через два года был рукоположен в сан священника, произведен в протоиерея и назначен ректором той же семинарии. За годы своего пребывания в Подольской семинарии М. В. Симашкевич написал ряд работ по истории родного края: “Римское католичество и его иерархия в Подолии (1872)”, “Историко-географический очерк Подолии” (1875–1876), “Указатель историко-археологических достопримечательностей Подолии” (1884), “Историко-статистическое описание заштатного города Хмельника Подольской губернии, Литинского уезда”, “Историко-статистическое описание прихода и церкви села Почапинец”. В 1884 году он возглавил Донскую семинарию, где через 20 лет был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. 25 ноября 1905 года состоялось утверждение его епископом Чебоксарским, вторым викарием Казанской епархии, а в конце января следующего года и возведение его в этот сан. 25 июля 1907 года епископ Митрофан был перемещен на Пензенскую кафедру.¹¹⁷ Так что архипастырский стаж его к тому времени исчислялся всего полутора годами, и он никак не мог быть “более опытным пастырем”, чем епископ Тихон. Более деятельным, энергичным и решительным – может быть, и именно в связи со своей недавней хиротонией во епископа. Поэтому Пензенская епархия стала для него как бы опытным полем, возделывая которое он в полную меру ощутил себя сеятелем на ниве Христовой.

16 августа Преосвященный Митрофан прибыл в Пензу, а 22 октября того же года отбыл в Петербург – ходатайствовать о возобновлении за-

нятий в духовной семинарии, закрытой из-за беспорядков. Вновь вернулся он в Пензу 6 ноября, но ненадолго, поскольку 3 января 1908 года опять отправился в столицу – для участия в заседаниях Св. Синода, решившего увеличить состав присутствующих на 7–10 архипастырей, в число которых попал и епископ Митрофан. Принимал участие он и в заседаниях Св. Синода во время весенней сессии, в апреле – мае 1908 года. Эти поездки обогатили его опытом общения с маститыми иерархами Русской Православной Церкви и в то же время сослужили ему непосредственную службу: в 1908 году в синодальной типографии был напечатан его труд под названием “Акафист иже во святых отцу нашему Симеону, епископу Владимирскому и Суздальскому, Печерскому Чудотворцу” – плод его постоянного молитвенного обращения ко святому, мощи которого находились в Иоанно-Богословской церкви при Донской духовной семинарии, где Преосвященный был ректором на протяжении двадцати лет.¹¹⁸

В связи с частыми отлучками епископа Митрофана за пределы своей епархии, главным источником информации о ней на первых порах ему служили годовые отчеты Преосвященного Тихона и благочинных, которые показали, что извечный враг человека в образе данной народу свободы взрастил пышные плевелы на поле, забота о котором теперь была поручена епископу Митрофану. Деревня, хранительница православной веры и патриархальных обычаев, изменилась до неузнаваемости, о чем Преосвященный Митрофан сообщал в Св. Синод такими словами: “...в последнее время в среде деревенских жителей развилась страсть к азартным играм, столь разорительным для игроков, – в карты, в орлянку, уносящим остатки сбережений неумелых, но азартных игроков в руки ловких их собратий, тут дело доходит даже до драки. Вообще же, как между нетрезвыми, так и между играющими, драки, и при том жестокие, – явление незаурядное, хотя, к сожалению, стоящее иногда нанесения поражения и даже членовреждения участникам дикой расправы со своими же друзьями. И стонет земля русская под тяжестью этого ига пороков – пьянства, азарта, воровства, грабежей, поджогов и в добавок всего возбужденной врагами Церкви и государства смуты и бунтов вот уже почти три года (1905, 1906, 1907 гг.). В довершение всего в среде крестьянских семейств, в доброе старое время являвших достойные подражания примеры миролюбия, твердости семейных уз и супружеской верности, ныне усматривается страсть к семейным разделам, к разводам, к раздорам между родителями и детьми, между братьями и сестрами. По словам благочинного протоиерея Н. Любимова, не без сердечной боли и скорби приходится проезжать селениями в последние годы: рядом с давними домами

стариков-родителей – поставленные бедные хибарки – жилища отделившихся сыновей или младших братьев, отшедших от старшего своего брата, – эти избушки без двора, без чулана, без амбара и, стало быть, при совершенном отсутствии лошади – необходимого сотрудника сельских хозяев, коровы – кормилицы крестьянских ребят, без самых необходимых принадлежностей несложного крестьянского хозяйства, без школы – этого необходимого рассадника света, добра и правды в подрастающих поколениях; зато среди деревни на доме получше и покраше других красуется на зеленом фоне надпись: “винная лавка”, и с стоящими толпой, иногда уже лежащими мужиками, нестройными и безобразными криками, дающими знать проезжающему о сем месте злочном и привольном... Еще горшее зло приносит семейному благосостоянию и воспитанию детей в добрых нравах усилившееся в последние три-четыре года стремление деревенских супругов к разводам, прежде деревне совершенно неизвестном: трудно и предвидеть, и определить горькие для семейств православных последствия этих разводов, начинающихся вследствие начавшегося разгула и разврата, кончающегося разрушением семьи – основы государственной и доброй общественной жизни”. Что же решил противопоставить епископ Митрофан всему этому? “К умирению, успокоению и восстановлению истинно-христианских отношений семейных между мужьями и женами, с одной стороны, между родителями и их детьми – с другой я горячо призываю всех пастырей церковью Пензенской епархии: с этой целью я распорядился, чтобы духовенство озабочилось незамедлительно учредить церковные собрания, на которых пастыри церкви временно и с должною убедительностью раскроют пред прихожанами язвы, разъедающие доселе здоровый организм семьи, общества и государства, в надежде общими силами достигнуть улучшения семейной и частной жизни деревни... Но и пастыри церковные, по моему указанию, не переставали и в церкви и наедине всех и каждого убеждать к исправлению жизни, стараясь в то же время насаждать и утверждать в умах и сердцах духовных чад своих – трезвость, целомудрие, почитание родителей и старших детьми и вообще младшими, верность данному слову, честность, уважение чужой личности и собственности, исполнение присяги, в особенности же избегать клятвопреступления, что в последнее время по заявлениям мне со стороны пастырей приходских, к несчастью, в среде деревенского люда допускается, в особенности в судебных и разных тяжёбных делах”.

Главным орудием спаивания народа в то время являлась государственная “монополька” на торговлю спиртным, учрежденная С. Ю. Витте для

пополнения казны. И если до того пьяницы вынуждены были утолять свою страсть к вину в кабаках, то теперь повсеместно распространилась продажа вина на вынос, а поскольку, как известно, дурной пример заразителен, на пьянство стали соблазняться и женщины, и даже дети. Поэтому Преосвященный Митрофан потребовал от своих пастырей усилить антиалкогольную пропаганду, добиваясь этого не только внебогослужебными поучениями и собственным примером, но и учреждением в приходах обществ трезвости, призванных быть примером для сельчан в борьбе с пьянством. Последние, наряду с духовенством, должны были стать организаторами общественных приговоров о закрытии в селениях винных лавок и перенесении базаров с воскресных на будние дни. Последний вопрос по предложению Преосвященного рассматривался на епархиальном съезде духовенства в 1909 году. Следствием этого стало составление подобных приговоров прихожанами в селах Лунино Мокшанского уезда и Шеино Керенского уезда, но решение это не нашло поддержки у губернского земского собрания. В 1910 году архиерей еще раз попытался воздействовать на земское собрание, на этот раз с помощью начальника губернии, но вновь получил отказ, который земское собрание мотивировало тем обстоятельством, что при перенесении базаров на будний день увеличивалось число нерабочих дней. То есть снова вопрос нравственного здоровья нации столкнулся с экономическими интересами, и снова решился не в ее пользу. Не увенчались успехом хлопоты и жителей с. Маиса Городищенского уезда, и крестьян сел, расположенных близ станции Башмаково Сызрано-Вяземской железной дороги, в последнем – по вине помещика Эспехо, владельца базарной площади, сдача которой в аренду торговцам в воскресный день приносила ему более ощутимые барыши.

Процесс создания в Пензенской епархии обществ трезвости благодаря настойчивости Преосвященного Митрофана быстро набирал обороты: за вторую половину 1907 года открылось 5 обществ трезвости, в 1908 году – 12, в 1909-м – 26, в 1910-м – 32, в 1911 году их уже было 313, в следующем году открылось еще 245 обществ, и к 1913 году их стало 558, а число трезвенников возросло до 20376 человек.¹¹⁹ По этим показателям с нашей епархией среди близлежащих регионов могла сравниться разве что Нижегородская епархия, где имелось 506 церковноприходских попечительств о народной трезвости; в Костромской епархии было 280 обществ трезвости, в Пермской – 143, а в Симбирской – всего 92.¹²⁰ К началу 1914 года обществ трезвости в Пензенской епархии стало 595, а всех трезвенников – 21238. Число членов в них колебалось от нескольких че-

людей, как, например, в с. Азарапино Наровчатского уезда (пять), до нескольких сот (при Воскресенской церкви г. Нижнего Ломова – 620) и даже более тысячи человек (при Нижнеломовской соборной церкви – 1234). Исключительных успехов в борьбе с народным пьянством добился священник с. Козловки В. Львов, о котором благочинный сообщал архиерею в таких выражениях: “сам абсолютный трезвенник, своим личным примером он производит неотразимое влияние на своих прихожан, за три года своего пастырства он образовал в своем приходе общество трезвости в 256 человек (приход состоит из 800 душ мужского пола), чем-то радостным и светлым веет от тех благих плодов, какие достигнуты отцом Львовым в борьбе с пьянственным недугом народа: матери и жены со слезами на глазах, с счастливыми лицами приносят свои искренние благодарности за покой и счастье и довольство в семьях, избавленных от винного зла”.

Не надо думать, что члены общества трезвости навсегда отказывались от употребления алкоголя – такая крайняя мера была скорее исключением. Обычно трезвенники перед святой иконой, крестом и Евангелием давали обещание не принимать вина определенное время, но не менее чем в течение трех месяцев. Предварительно совершались молебны Спасителю, Богородице и святому покровителю общества, порой с водоосвящением, чтением акафистов, произнесением поучений. Тем самым не просто исполнялся торжественный ритуал, направленный на постоянное напоминание о данной клятве, но происходило непосредственное обращение к Всевышнему за помощью и поддержкой для успешного выполнения добровольно наложенного на себя обета воздержания. На память новому члену общества вручалась клятвенная грамота с наставлением о вреде винопития.

В целях объединения духовенства и паствы для борьбы с народным пьянством Преосвященный Митрофан 25 сентября 1911 года учредил в Пензе епархиальное общество трезвости (под председательством протоиерея А. Протодиаконова)¹²¹, открывшее с 1912 года народные чтения религиозно-нравственного и противоалкогольного содержания. Наряду с преподавателями духовных учебных заведений и учениками старших классов духовной семинарии в чтениях часто выступал с лекциями старший врач губернской земской больницы доктор медицины Д. С. Щеткин, сопровождавший свои выступления показом “живых картинок” с помощью “волшебного фонаря”. Они проходили по воскресным дням в трех местах: в духовной семинарии, Петропавловском церковноприходском и 1-м городском начальном училищах.

Епископ Митрофан II (Симашкевич)

С особой торжественностью отмечались учрежденные с 1913 года Всероссийские праздники трезвости, первый из которых состоялся в Пензе 28 апреля. Начался он Божественной литургией в Никольской церкви в присутствии вице-губернатора А. А. Толстого, отсюда крестный ход направился в кафедральный собор, где его встречал Преосвященный Митрофан, отслуживший еще одну литургию, на которой присутствовал и начальник губернии А. П. фон Лиленфельд-Тоаль. Затем архиерей произнес поучение о вреде пьянства и состоялись молебны Спасителю и Божией Матери. В соборе, вокруг него в сквере и на улицах города в этот день было множество людей, в том числе и учеников церковноприходских школ г. Пензы, которые с кружками, имевшими надпись “на борьбу с пьянством”, и значками – “трезвость – счастье народа” собирали добровольные жертвования, направлявшиеся на усиление антиалкогольной пропаганды. Праздник трезвости заканчивался вечером в Петропавловском церковноприходском училище противоалкогольными чтениями с показом “туманных картинок” при участии церковного хора.¹²²

1910-е годы были отмечены появлением еще одного ранее неизвестного общественного явления, о котором Преосвященный сообщал в Св. Синод: “За последнее время, как известно, сильно распространился среди молодежи мужского пола, как в селах, так и в городах, новый порок – так называемое хулиганство, выражающееся главным образом в мелких грабежах, буйстве и вообще в бесчинном поведении партий молодых людей на улицах”. То есть, как мы видим, это было начало появления шпанистой молодежи, самоутверждение которой было основано не на каких-то ощутимых жизненных достижениях, а на мелком чувстве превосходства от возможности безнаказанного оскорбления достоинства других граждан. Так что ставшая давно привычной для всех подобная форма поведения молодых людей, оказывается, имеет свои истоки не в таком уж и далеком прошлом, – с момента, когда под влиянием данной народу свободы у него началось резкое помрачение ума.

Порой достаточно из-под основания выбить лишь одну опору, и обрушится вся конструкция. Именно это и произошло с духовно-нравственным содержанием человека, ранее опиравшимся на авторитет Церкви, а по большому счету – на страх Божий. Лишь только усомнился в Его существовании – и последствия неминуемы. Как отмечал в своем отчете за 1908 год благочинный, священник Николай Любимов, вообще отличавшийся пронизательным взглядом на происходящие вокруг него события и текущее духовно-нравственное состояние своей паствы, “никогда еще не было в народе нашем такого шатания и брожения умов, как за послед-

ние два-три года”. И далее: “Неверие, даже безбожие, подобно туману закрывает умственные взоры большей части народа, коснувшись столь беззаветно преданного Церкви простого деревенского населения. Дух неверия разрушает жизнь общественную, подрывает государственную, усиливается нанести смертельный удар и жизни церковной. Приходилось слышать от мастеровых и даже пахарей изъявления сомнения даже в основных истинах святой веры, а также рассуждения о том, что не представляется будто бы нужным исполнять уставы Церкви, в особенности относительно постов, праздников, богослужения”.

Многие благочинные не без скорби отмечали: “К нарушению постов немалым соблазном для крестьян служит так называемая деревенская интеллигенция, к которой причисляют себя кроме дворян и земских начальников купцы, владеющие барскими имениями, управляющие, конторщики, урядники, волостные писаря и даже сельские учителя. Вся эта интеллигенция кроме первой и последней неделей Великого поста кушает мясную пищу. В последнее время во многих барских имениях стали готовить скоромную пищу по постным дням и для прислуги, и для чернорабочих”; “Молодежь, проживающая постоянно дома, резко отличается от тех, кто хоть раз побывал на стороне: первые всегда нравственнее и религиознее последних, их жизнь можно назвать благочестивою и патриархальною, а последние, сталкиваясь на стороне с иноверцами и живя там без надзора старших и вне пастырского воздействия их духовных отцов, лишённые возможности по свойству своей службы или работы посещать храм Божий, нередко проживая вдали от него, становятся холоднее к Православной Церкви и привыкают к несоблюдению постов, к нравственной распущенности, пьянству и неаккуратно исполняют христианский долг исповеди и святого причастия”.

Тем тяжелее для Преосвященного Митрофана в этой обстановке всеобщего падения нравов “было видеть, – как он писал, – что некоторые (три-четыре) даже иереи, не говоря о низших причетниках, допустили себя увлечься так называемым освободительным (правильнее – разрушительным для государства, веры и добрых нравов) движением и распоряжением гражданского начальства удалены из мест служения в места предварительного заключения в ожидании суда над ними наряду с оными многими гражданского звания лицами. Были случаи неблагоповедения лиц духовного звания даже, к сожалению, среди иноков Вьясской Владимирской пустыни. Последние подвергались суду преимущественно за пристрастие к спиртным напиткам и соединённые с сим пороки – ссор, неподчинения старшим и начальствующим. За 1907 год было подвергну-

то епитимии за усмотренные проступки 17 лиц, преимущественно из низшего клира”. О “случаях неблагоповедения” иноков Вьясской пустыни сказано здесь еще слишком мягко. На деле, 13 декабря 1907 года там произошла настоящая трагедия, когда напившиеся на поминальной трапезе после похорон настоятеля монастыря игумена Савватия два монаха подрались между собой в келье, в результате чего сорокалетний монах Артемий убил стамеской пятидесятилетнего иеродиакона Венедикта ¹²³. После этого было назначено следствие, а временное управление монастырем поручено иеромонаху Макарию. Впоследствии настоятелем пустыни был утвержден игумен Варсонофий, освобожденный по прошению от своей должности в декабре 1912 года, а на его место определен эконом Пензенского архиерейского дома иеромонах Геронтий, который раньше был казначеем Вьясского монастыря, возведенный Преосвященным Митрофаном 2 февраля 1913 года в сан игумена ¹²⁴.

Сильно опечалил Преосвященного Митрофана и Саранский Петропавловский мужской монастырь, как внешним видом своих храмов, так и нетрезвой жизнью братии. Последнему было если не оправдание, то хотя бы объяснение: монастырь располагался в самом центре города близ базарной площади, и вся та пьяная разгульная базарная атмосфера, о которой мы уже не раз говорили, являлась большим соблазном для иноков, следствием чего и было их слишком близкое общение с миром – преимущественно через винную лавку. Не исправили положения и наложенные архиереем на двоих иеромонахов и одного иеродиакона запрещения в священнослужении, также как и удаление из монастыря одного из послушников. Упадок монастырской жизни не давал надежду на ее улучшение, в связи с чем Преосвященный Митрофан решился на крайнюю меру – ходатайствовал перед Св. Синодом о закрытии этого монастыря и превращения его в женский, что и состоялось 10 мая 1912 года. Настоятельницей образованной женской обители стала монахиня Нижнеломовского Успенского женского монастыря Руфина. А немногочисленную братию бывшего мужского монастыря распределили кого куда: архимандрита Алексия и игумена Митрофана перевели в Нижнеломовский Казанский мужской монастырь, казначея иеромонаха Пантелеимона и иеродиакона Исаакия – в Краснослободский Спасский, двух иеромонахов, иеродиакона и двух монахов – в другие монастыри, а послушников – на все четыре стороны, куда хотят. Настоятельница вновь учрежденного женского монастыря Руфина укомплектовала свою обитель из проживавших в разных монастырях епархии четырех монахинь, двух указных послушниц и двадцати девяти послушниц, находящихся на испытании.

Если пьянство, строго караемое духовной властью, в монастырях бывало и раньше, и его, может быть, и не следовало бы считать проявлением “свободолюбивого духа времени”, то своеволие и непослушание проникло за ограду некоторых монастырей не без влияния дарованных в 1905 году гражданам России свобод, дающих возможность широкой интерпретации прав своей личности. С такими настроениями встретил в 1910 году своего нового архиерея Чуфаровский Троицкий женский монастырь Саранского уезда. Не успел Владыка отслужить у них в храме службу, как некоторые насельницы обители стали жаловаться ему на свою настоятельницу и старшего священника Михаила Фриновского – беспрецедентный случай для монахинь, давших обет послушания. Как впоследствии выяснилось, их подговорил к этому недавно поступивший в монастырь младший священник Гавриил Рукин, к которому стали предъявляться претензии по поводу самовольного внесения им в богослужение некоторых изменений. Для неискушенного человека они мало что могут сказать сами по себе: например, священник Рукин заставлял на утрени читать не две кафизмы, как было принято, а только одну; в большие праздники начинал читать акафист первым, предлагая затем закончить его старшему священнику, а не наоборот. Но для настоятельницы и священника М. Фриновского такие вольности оказались неприемлемыми и они начали делать молодому священнику вполне обоснованные замечания, после чего тот встал в оппозицию к своему непосредственному начальству и привлек на свою сторону некоторых монахинь и послушниц. Пресвященный взял сторону первых, чем, казалось бы и должны были удовлетвориться своевольницы-инокини, подчинившись высшей епархиальной власти. Но не тут-то было. Они начали писать жалобы членам Св. Синода митрополитам Антонию и Флавиану, обер-прокурору Св. Синода и даже Ее Императорскому Высочеству великой княгине Елизавете Феодоровне. Дело окончилось тем, что Св. Синод посчитал виновными обе стороны. Настоятельница монастыря игумения Аполлинария, выпустившая из своих рук бразды правления обителью, была уволена от своей должности, и вместо нее назначена казначея Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря монахиня Серафима, возведенная в сан игумении. Главную жалобщицу выслали в Краснослободский Троицкий монастырь, а остальных монахинь обязали беспрекословно повиноваться вновь назначенной настоятельнице. Убрали от греха подальше и священника Фриновского, переведя его в Старую Федоровку Инсарского уезда.

То, что оказались нестроения во внутренней жизни довольно удаленных от Пензы монастырей, в общем-то не вызывает удивления. Но вот

то, что долгое время не принимались меры по улучшению внешнего вида Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря, просто удивительно. Последний текущий ремонт в нем проводился еще в 1888–1889 годах, при покойном настоятеле архимандрите Кирилле. В 1909 году Преосвященный Митрофан, обозревая сей монастырь, отметил его состояние следующим образом: “Все храмы стоят с выбитыми стеклами в окнах, штукатурка снаружи осыпалась, крыши протекают, зимою в Александро-Невской церкви сквозь скважины в крыше и потолке деревянном проникает снег около святого престола в алтарь. Колокольня требует неотложного капитального ремонта, чтобы предупредить падение, одна башня ограды накренилась и близка к падению, стены ограды по местам опасны и грозят также падением, кельи братские требуют также тщательного капитального ремонта, также и братская трапезная”. Спрашивается, куда же глядел последний настоятель Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Харитон? Да туда, куда обычно смотрят обличенные властью люди, являющиеся к тому же распорядителями кредитов, когда нечистый, будь он неладен, подставляет им под руку вместо их личного кармана общественный. Вот такое же “потемнение рассудка” наступило и у архимандрита: все, довольно-таки скудные, монастырские средства он полностью тратил на своих троих, обучающихся в учебных заведениях, детей, не забывая, естественно, и себя. После того, как это открылось, он был снят с должности настоятеля и перемещен в число братии Почаевско-Успенской Лавры.

Чтобы у читателя не сложилось впечатление о полном расстройстве монастырской жизни в Пензенской епархии, приведем опять же слова епископа Митрофана, заключающие его упоминание о имеющих место недостатках: “Но это обстоятельство временное и не кладет невыгодного пятна вообще на обители епархии и монашествующих, шествующих уединенною стезею подвигов к душеспасению”. Другие монастыри доставляли Преосвященному радость и удовлетворение. Среди них, как по своему внешнему облику, так и внутренней жизни иноков, выделялись Наровчатский Троицкий Сканов мужской монастырь и Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь. О первом из них епископ Митрофан говорил, что он, “подобно древним святым обителям”, “процветает по жизнеповедению и подвижнически трудовой жизни иноков и всех насельников” “яко крин”. О втором монастыре заявлял следующее: “В особенности пленяет своим благоукрашением и даже внешним видом Параскево-Вознесенская обитель, возникшая в 1865 году и подобно нашим лаврам блистающая великолепием и всяким изобилием, а особенно

Пензенский Спасо-Преображенский монастырь

Наровчатский Троицкий Скнов монастырь

украшающими насельниц ее христианскими добродетелями”. Этот монастырь был не только самым благоустроенным, что во многом было достигнуто благодаря деятельности его настоятельницы игумении Евпраксии, но и самым многолюдным: в обители проживало более 400 насельниц. Для самых строгих подвижниц благочестия – схимниц, которые стяжали Святого Духа высокими примерами своих аскетических подвигов, при монастыре был устроен особый отдельный скит с храмом. Нередко в пользу Параскево-Вознесенского монастыря делались богатые пожертвования, как, например, в 1912 году, когда санктпетербургский крестьянин Федор Иванович Краснов подарил ему расположенный в столице участок усадебной земли в 258 кв. сажень с каменным трехэтажным домом и другими постройками.

Среди “добрых подвижников благочестия” мужских монастырей Владыка отмечал настоятеля Нижнеломовского Казанского монастыря архимандрита Гедеона, “за свою строго подвижническую жизнь пользующегося глубоким уважением среди духовенства и светской интеллигенции и простого народа”, и настоятеля Троицкого Сканова монастыря игумена Иосифа, “отличающегося своим глубоким смирением и подающего добрый пример своим поведением братии монастыря”.

Летом 1910 года, когда в пределах епархии распространилась эпидемия холеры, Преосвященный Митрофан отдал распоряжения настоятельницам Нижнеломовского Успенского, Мокшанского Казанского и Краснослободского Александро-Невского женских монастырей незамедлительно направить своих насельниц в села для ухода за больными. Как свидетельствовал потом начальник губернии И. Ф. Кошко, “командированные для ухода за больными монахини и послушницы с большим самоотвержением исполняют свои обязанности, не брезгают никакою работою, несут дежурство наравне с сестрами милосердия и теплым отношением к тяжким больным, а также молитвами поддерживают бодрость в населении”. По окончании эпидемии Преосвященный Митрофан ходатайствовал перед Св. Синодом о награждении особо отличившейся в деле милосердия настоятельницы Нижнеломовского Успенского монастыря игумении Анатолии наперсным крестом, а настоятельниц Мокшанского и Краснослободского монастырей игумений Марии и Варвары благословением Св. Синода в грамотах.

Как всегда во время народных бедствий, и в этот раз среди населения резко возросла религиозность, что проявилось прежде всего в участвовавших случаях молитвенного обращения жителей губернии к чудотворным иконам. По просьбе жителей с. Кевдо-Вершины Чембарского уезда,

где особенно свирепствовала холера, настоятель Нижнеломовского Казанского монастыря архимандрит Гедеон на несколько дней передал туда чудотворные иконы Казанской Божией Матери и Иоанна Предтечи. С небывалым воодушевлением и надеждой на скорую помощь Небесной Заступницы встретили жители села эти иконы. После трехдневного совершения молебнов, болезнь, постепенно сходя на нет, совершенно прекратилась. В который раз уже Господь давал понять людям, желающим облегчить свои страдания, что к этому имеется предельно короткий путь – всегда помнить о Боге и обращаться к Нему за помощью. Но как часто об этом сразу же забывают, лишь только несчастья остаются позади.

Даже явные чудеса, ниспосылаемые с небес, и то вразумляют ненадолго. Вот, например, какой случай был засвидетельствован епископом Митрофаном в его отчете Св. Синоду: “В 1909 году в одном селении епархии – селе Владыкине Чембарского уезда имело место событие для нашего скудного верою времени необычное – явление иконы Божией Матери. Обстоятельства этого события следующие. 25 мая на расстоянии ста сажень от околицы означенного села в роднике у конца оврага в 4 часа пополудни тремя мальчиками был усмотрен на воде в углу каменный меловой образ Божией Матери. Они достали икону из воды, посмотрели и опять опустили в воду, а сами побежали домой возвестить о сем родным своим. За ними вслед пришли девочки и, увидив в роднике святую икону, достали, обмыли ее, поставили на верхнюю обрубину деревянную родника, а сами побежали сказать старшим о своей находке. К вечеру 25 мая собрались старшие возрастом, посмотрели на святую икону, помолились и пошли доложить о сем местному священнику. Последний, по обозрении иконы Владычицы, поспешил донести о сем епархиальной власти, а святую икону по моему распоряжению перенес в храм и поставил на аналой отдельно от икон. Слух о явленной иконе Царицы Небесной начал привлекать к роднику сотни богомольцев. Начались купания, воду как целебную брали по домам после молебствия пред святой иконой на роднике. С 3 июня стали говорить о совершившихся, по молитвам пред святою иконою Царицы Небесной и после купанья в воде около родника, исцелениях. Таких исцелений за лето 1909 года, зарегистрированных и проверенных особою по моему назначению комиссиею, было десять. В июне, июле и августе богомольцев ежедневно бывало во владыкинской церкви от 500 до 1000, не только из Пензенской губернии, но и из соседних. Все здесь говели, каялись в грехах и приобщались святых и животворящих Христовых Таин. В конце июля был во Владыкине

и начальник губернии – помолиться пред явленною иконою Божией Матери, а через 5–6 дней была здесь, также ради молитвы пред иконою Царицы Небесной, и супруга господина начальника губернии. В осенние ненастные дни приток богомольцев стал менее, но не прекратился. Но и в зимние дни приезжают, хотя и не в большом числе, богомольцы в церковь села Владыкина помолиться пред явленною иконою Божией Матери. Сия святая икона была свидетельствована мною в свое время: полуовальная, размерами небольшая – 4 кв. вершка, изображение Божией Матери и Предвечного Младенца явственно и боголепно, невольно возбуждает молитвенное умиленное настроение. В свое время мною было донесено Св. Синоду как о явленной святой иконе, так и об исцелениях, засвидетельствованных и проверенных особою комиссиею”.

Если на этот раз непосредственными свидетелями чуда были лишь богомольцы, разнесшие потом по всей епархии небывалую весть, от которой “образованной” части общества можно было просто отмахнуться, списав все на суеверие темного простонародья, то другое явление должно было бы заставить всерьез задуматься не только верующих. О нем сообщили своим читателям в 1913 году “Пензенские губернские ведомости”: “17 апреля, вечером, на западной стороне небосклона наблюдался необыкновенный небесный феномен. На облачном покрове, слегка освещенном зарей, ясно вырисовывался алый крест. Явление продолжалось несколько минут, после чего крест расплылся, и на его месте образовалось красное облачное пятно. Форма креста была совершенно правильная. Появление его на небе, конечно, даст соответствующую пищу для разговоров *среди суеверного простолудья* (выделено мной. – А. Д.)”¹²⁵.

Произошло это вскоре после Пасхи, в среду Светлой седмицы, когда величается Касперовская икона Божией Матери – заступница г. Одессы в войну 1853–1855 годов. Крест на небе, превратившийся в кровавое пятно, должен бы был восприниматься однозначно – как предупреждение всем о предстоящих бедах, грозящих закончиться кровью. Но “умники” опять ничего не захотели замечать. И лишь в следующем году, когда в июле месяце в России была объявлена всеобщая мобилизация, быть может, кто-то и вспомнил об этом знамении и запоздало понял, что оно предвещало мировую войну. Кстати сказать, в 1939 году тоже явилось необычное знамение: на небосклоне появились и чуть ли не сутки стояли три красных столба, и старые люди, не задумываясь, говорили: “быть войне”.

В годы первой мировой войны в полную меру развернулась благотворительная помощь монастырей. Ни один из них не остался в стороне.

Они откликнулись на нужды военного времени открытием в своих стенах лазаретов, сбором средств и вещей для фронта, оказанием помощи семьям воинов. Только с начала войны до 1 декабря 1914 года монастыри Пензенской епархии пожертвовали 3125 рублей, причем самый большой вклад в размере 1000 рублей сделал Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь; открыли 12 лазаретов на 250 человек с полным и 11 лазаретов на 144 человека с неполным монастырским обеспечением; командировали 97 послушниц для ухода за больными и ранеными воинами; сшили из своего материала 6635 бельевых предметов да еще 916 из материала, поступившего от разных учреждений; сткали 1424 аршина холста, изготовили 550 кисетов для солдат и оказали разную помощь некоторым семьям солдат – деньгами, хлебом, дровами.¹²⁶

Время управления епархией Преосвященного Митрофана ознаменовалось постройкой в г. Пензе прекрасного трехэтажного здания для Тихоновского духовного мужского училища. Как мы помним, это училище образовалось из переведенного в 1880 году в Пензу Нижнеломовского духовного училища под названием 2-го Пензенского, но после устройства в нем в 1884 году церкви во имя святителя Тихона Воронежского и Задонского стало называться Тихоновским. Разместилось оно на Лекарской улице на бывшей усадьбе Пензенского епархиального училища, перешедшего на Дворянскую улицу в купленный дом Панчулидзевых. Почти с самого начала перевода его в Пензу встал вопрос о недостаточности училищных помещений. Не решила его и постройка на усадьбе новых зданий, поскольку число обучающихся в учебном заведении воспитанников постоянно росло. Получить ссуду из Хозяйственного управления Св. Синода на строительство большого учебного корпуса не удалось. Собрать необходимую сумму с духовенства одного лишь Тихоновского училищного округа не представлялось возможным. Тогда Преосвященный Митрофан обратился за содействием в изыскании средств к общеепархиальному съезду духовенства. В результате общими усилиями была собрана 31 тысяча рублей, еще 11 тысяч обязались в течение двух лет предоставить церкви епархии. А остальные 38 тысяч рублей пришлось занять у епархиального свечного завода и позаимствовать из средств, собранных на постройку здания для епархиального женского училища. 18 апреля 1909 года состоялась закладка нового каменного учебного корпуса Тихоновского училища. Проект на него разработал губернский инженер А. Г. Старжинский, в связи со смертью которого строительство здания велось под наблюдением архитектора В. И. Васильева. Закончилось оно в

Тихоновское духовное мужское училище

Училищная церковь

1910 году. В новом корпусе разместилась и церковь в честь святителей Тихона и Митрофана Воронежских.¹²⁷

Стремление православных христиан в сей непокойный двадцатый век удалиться от мира и посвятить себя молитвенному подвигу и монашескому уединению привело к открытию в епархии еще нескольких новых обителей. 24 июня 1909 года получила самостоятельность Свято-Ольгинская женская обитель в г. Инсаре, приписанная до того к Пайгармскому Параскево-Вознесенскому монастырю.¹²⁸

19 августа 1908 года в с. Вирге Нижнеломовского уезда состоялось освящение места будущего храма вновь учрежденной Покрово-Николаевской женской общины, для размещения которой земским начальником 5-го Нижнеломовского участка В. Н. Фаленбергом был пожертвован принадлежавший ему участок земли. А в сентябре следующего года был освящен и сам храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. 30 апреля 1910 года в соответствии с указом Св. Синода община получила статус женского монастыря. В том же году настоятельницей его была утверждена монахиня этого монастыря Серафима с возведением ее в сан игумении. 12 декабря 1911 года в обители произошло еще одно торжественное событие, завершившее собой полуторамесячное шествие по селам Нижнеломовского уезда иконы святого великомученика Пантелеимона, присланной с Афона по просьбе епископа Митрофана в дар и благословение Виргинскому монастырю, – точного списка с чудотворного образа Целителя Пантелеимона. Она была получена архиереем в начале октября и временно поставлена в крестовой церкви архиерейского дома. 29 октября в отдельном купе святыню доставили поездом до станции “Воейково”, где она была торжественно встречена и препровождена на следующий день в приходской храм села Каменки. На протяжении четырех дней жители Каменки имели возможность помолиться перед афонской иконой, заказать водосвятные молебны с акафистами, освятить ей свои жилища. Затем праздничное шествие проследовало через Головинскую Варезку, Головинщино, Скворечное, Лещиново, Мичкас, Атмис, Ивановскую и Сергиевскую Вирги, в каждом из которых икона также находилась по нескольку дней, пока не достигла конечного пункта своего назначения – Покрово-Николаевской обители. Массы народа, несмотря на холодное время года, сопровождали святую икону на протяжении всего ее пути, крестные ходы с пением и непрерывные молебны создавали у них необычайно праздничное настроение, поднимали религиозный дух, вызывали умиленные слезы. В 1913 году, когда отмечалось 300-летие Дома Романовых, в Виргинский монастырь была пожалована Федоровская икона Бо-

жией Матери, напоминая о том, что первый царь из династии Романовых Михаил Феодорович именно от этого образа получил благословение при своем вступлении на русский престол.¹²⁹

Еще одна икона с Афона – копия чудотворной иконы Божией Матери “Достойно есть” – была с почестями доставлена 15 октября 1911 года в Пензенский Троицкий женский монастырь, в новоосвященный Троицкий храм, построенный по проекту А. Г. Старжинского на месте разобранного до основания прежнего тесного и ветхого храма. Освящение его состоялось несколько раньше – 18 сентября 1911 года.¹³⁰

300-летие царствования в России Дома Романовых было отмечено 21 февраля 1913 года торжественными богослужениями во всех церквях епархии. В Пензе, после литургии в кафедральном соборе, на Соборной площади состоялся праздничный молебен с общим крестным ходом из всех церквей города. Эта знаменательная в истории России дата была увековечена на Пензенской земле учреждением в селе Стяжкино Наровчатского уезда 18 августа 1913 года “Стяжкинской Успенской мужской общины в память 300-летия царствования Дома Романовых”, на месте имевшегося там странноприимного дома, в котором постоянно проживало 10 человек, избравших для себя монашеский образ жизни. Необходимость открытия общины была продиктована большим стечением богомольцев в село Стяжкино к местному приходскому священнику Николаю Болоховскому, привлекавшему их к себе “ежедневным, особенно благоговейным совершением богослужения, назиданиями во время исповеди и св. причащения и всею своею жизнью, могущею служить примером аскетизма и подвижничества, а равно постоянными поучениями и беседами о вере истинной, о праведной жизни, о долге христианина и верноподданного, о важности и значении царской власти и об устройении Земли Русской трудами и заботами государей”¹³¹.

Знакомство с этим выдающимся иереем началось у епископа Митрофана в первый же год его пребывания в Пензенской епархии, правда, пока только заочное. Отмечая в отчете за 1907 год лучших священников епархии, Преосвященный, на основании отчета благочинного, сообщал о нем в Св. Синод следующее: “Как на особенно выдающегося из пастырей церкви по усердию и ревности в молитве и назидании нельзя не указать на священника в селе Стяжкине Наровчатского уезда Николая Болоховского. Каждодневное богослужение, совершаемое им в своей домовской церкви с чтением акафистов весьма благоговейно и истово, привлекает к нему не только его прихожан и жителей окрестных селений, но молва народная о нем, как о великом молитвеннике, распространилась и за пре-

Троицкий храм
Пензенского Троицкого женского монастыря

дела Пензенской епархии. В Стяжкине часто можно встретить богомольцев из Тамбовской и других епархий, пришедших сюда с нарочитою целью помолиться вместе с о. Николаем, послушать его назидание и исповедаться у него. Все назидания и советы о. Николая богомольцы обыкновенно принимают с благоговением и с полною готовностью всегда исполнить их, веря в силу его святых молитв. При современном упадке веры и колебании устоев нравственности, существование такого молитвенника, как о. Николай Болоховский, имеет весьма важное значение для поднятия веры и нравственности народной. Обаяние его личности и множество (до 100 000 в год) раздаваемых им богомольцам листов религиозно-нравственного содержания сделали село Стяжкино с его пастырем крепким оплотом православной веры против увлечения пропагандою сектантов”.

Формулярный список Николая Иоанновича Болоховского мало что дает нам для разгадки незаурядности его натуры, поистине отмеченной печатью Святого Духа. Родился он 5 декабря 1869 года в г. Инсаре в семье саранского мещанина. В 1894 году окончил Пензенскую духовную семинарию по первому разряду и был рукоположен во диакона к церкви с. Верхней Вязеры Инсарского уезда. В следующем году был перемещен на такое же место в с. Масловку Наровчатского уезда, а в мае 1896 года рукоположен во иерея к Михайло-Архангельской церкви с. Стяжкино того же уезда. К моменту открытия в селе мужской общины он уже был обременен немалой семьей: кроме двух сыновей и дочери, обучавшихся в разных учебных заведениях, и жены, с ним проживали 65-летняя мать его и 80-летняя теща, а также престарелая свояченица – редкое семейное сочетание, требующее от него большого такта в обращении с домашними.¹³²

А чтобы в свои неполные 40 лет стяжать, да еще за пределами собственной епархии, авторитет выдающегося пастыря, ему надо было уже с самой юности проникнуться тем высоким предназначением, к которому он себя готовил. Проникнуться настолько, чтобы подчинить служению Богу все свои дела и даже мысли. Не последнюю роль в этом сыграл великий российский молитвенник Иоанн Кронштадтский, лично благословивший Николая Болоховского нести по жизни столь тяжкий крест – быть достойным учеником Того, Кто показал человечеству путь ко спасению.

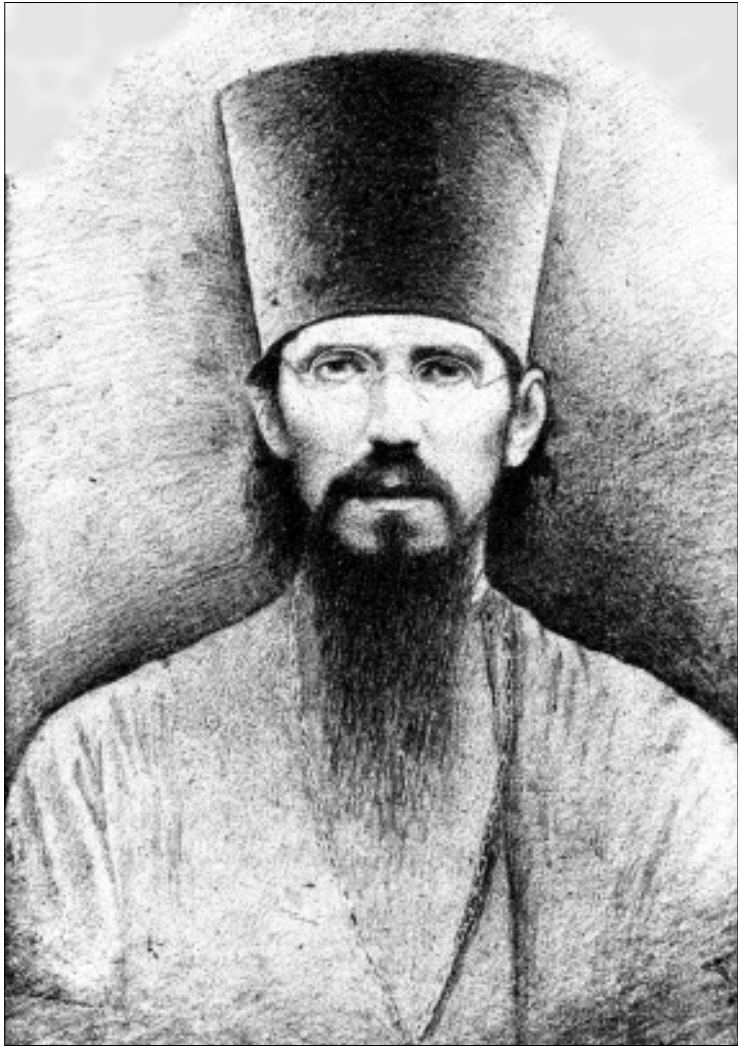
Торжество по случаю открытия мужской общины в с. Стяжкино, на которое специально прибыл из Петербурга находившийся там в это время Преосвященный Митрофан, состоялось 18 августа 1913 года. Владыка совершил освящение вновь устроенного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы и вручил в благословение учрежденной общине Федо-

ровскую икону Божией Матери. В богослужении принимали участие до 40 священников, присутствовал начальник губернии и более 20000 богомольцев. От имени всех участников торжества государю императору Николаю II была послана телеграмма, на которую 19 августа на имя губернатора был получен Высочайший ответ: “Передайте Преосвященному Митрофану и всем, бывшим на освящении храма, Мою благодарность за молитвы и выраженные верноподданнические чувства, а также Мои пожелания процветания Успенской общине на пользу населения. Николай”.¹³³

Очевидная польза от вновь вспыхнувшего здесь очага религиозности стала особенно ощутимой в страшные 1930-е годы, когда в Стяжкино подпольно готовились кадры священнослужителей, восполняя потери, наносимые Церкви безбожной властью.

Кроме священника Николая Болоховского большой любовью прихожан пользовался старейший протоиерей епархии Владимир Прилуцкий, служивший при Успенском соборе г. Мокшана, “неутомимый труженик в совершении церковного богослужения и в исполнении треб”. “Надо видеть, – писал о нем благочинный Чукаловский в своем отчете, – его благоговейное служение, чтобы понять, как благотворно может действовать таковое на молящихся. В это время он всецело увлекается молитвой, весь проникается ею и забывает свои старческие немощи”. Кроме них таким же благоговейным совершением богослужения, а также своей высоконравственной жизнью отличались священник церкви с. Нечаевки Городищенского уезда Порфирий Адвокатов, священник с. Малой Ижморы Керенского уезда Николай Коронатов, священники Краснослободского уезда Николай Гвоздев в с. Сивинском Заводе и Василий Адоринский в с. Мамолаеве, который на протяжении двух десятков лет являлся духовником окружного духовенства.

Благотворное влияние на религиозно-нравственную жизнь своих приходов оказывали священники, всецело посвящающие себя пастырской деятельности, которую они распространяли далеко за пределы церковной ограды: проводили беседы о вере и христианской нравственности на дому у прихожан, катехизацию для неграмотных, религиозно-нравственные чтения в местной школе, организовывали там кружки ревнителей веры и благочестия и т. п. Это священники Городищенского уезда А. Крылов в селе Усовка, Д. Туберозов в селе Забалуйки и А. Алекторов в с. Можеровка, Пензенского уезда – священники с. Малого Колояра М. Тибров и с. Бессоновки М. Любимов, Нижнеломовского уезда – священники с. Пустыни А. Покровский, с. Сухой Пичевки М. Артоболев-

Священник Николай Иоаннович Болоховский

ский и с. Нового Шуструя И. Слоимский, Инсарского уезда – священники с. Языковой Пятины А. Смирнов, с. Потижской Слободы М. Куликовский, с. Засечной Слободы А. Ксенократов.

Многие священники отличились самоотверженной деятельностью во время холерной эпидемии 1910 года, в особенности иереи Вознесенской церкви г. Инсара Стефан Оранский и с. Куземкина Керенского уезда Петр Масловский. Наряду со своими непосредственными обязанностями – напутствовать больных таинствами покаяния, св. причащения и елеосвящения – они оказывали помощь советами и наставлениями, как надо ухаживать за больными, поскольку среди населения снова, как и в прежние эпидемии, появились слухи о врачах-вредителях, распространявших заразу среди народа. Оказание медицинской помощи своим прихожанам для многих священнослужителей стало делом вполне привычным. На этой стезе проявили себя священники: Николай Черкасов в с. Гремячевке Городищенского уезда, Александр Ксенократов в Засечной Слободе Инсарского уезда, Михаил Куликовский в Потижской Слободе того же уезда и некоторые другие, а также диакон Ямской Слободы Инсарского уезда Харламий Тихов и псаломщик Потижской Слободы того же уезда Николай Магнитов. Но особым рвением к оказанию врачебной помощи отличался псаломщик села Ивы Нижнеломовского уезда Дмитрий Протодиаконов, Высочайше пожалованный за это в 1909 году орденом Св. Анны 3-й степени и снискавший известность за время многолетней медицинской практики далеко за пределами своего прихода. Священник Александр Ксенократов, кроме того, учредил в своем селе кредитное товарищество для оказания помощи населению при несчастных случаях – смерти кормильца, пожаре, падеже скота. Такое же товарищество возникло и в Потижской Слободе под председательством священника Михаила Куликовского. Оно разместилось в квартире псаломщика Магнитова, ставшего делопроизводителем товарищества.

Одной из первоочередных задач пастырей было ведение противораскольнической и противосектантской пропаганды. Однако объявленная в России свобода совести сильно подорвала церковную миссию, лишив ее государственной поддержки. Причем при новых законах Православная Церковь оказалась более скованной в своей деятельности, чем раскольническо-сектантские образования. Манифест от 17 апреля 1905 года и указ о веротерпимости от 17 октября 1906 года оказали “междвежью услугу” религиозному сознанию русского человека в попытке его раскрепощения от давления господствующей Церкви: в него вместо родниковой воды вдруг потекли ядовитые отходы, из которых лишь очевидно грязные под-

Протоиерей Владимир Васильевич Прилуцкий

лежали запрету со стороны законодательной власти. Большинство же сект вышло из подполья и уже в открытую начало растлевать душу русского человека, уводя его все дальше и дальше от спасительного пути. Многочисленные нарывы, до поры до времени зревшие в теле русского народа, наконец прорвались, показав, что состояние больного намного хуже, чем предполагалось, и что в нем бродит гораздо больше инфекции, чем на то имеется необходимой для борьбы с ней вакцины. Похожую картину мы наблюдаем и сегодня, когда заразу в душу еще не вполне верующего, но уже богоищущего русского человека, православного хотя бы по святому крещению, вносят вместе с несовместимой для него “донорской кровью”, якобы предназначенной для спасения больной России, но на деле преследующей одну-единственную цель – скорейшую гибель пациента.

Успехи, которых смогла добиться в новых условиях Православная Церковь в борьбе с расколосектантством, оказались далеко не адекватными тем усилиям, которые для этого предпринимались. Особенно это было заметно на примере христианизации татарского населения. Естественно, что в изменившихся условиях Св. Синод должен был дать и новое направление в миссионерской работе. Однако, несмотря на определенные попытки к тому, каких-либо рекомендаций, позволявших существенно улучшить миссионерскую деятельность, не поступило. Более того, последовавшее решение Синода в этом направлении было сделано как-то наспех, без учета местных наработок: согласно определению Св. Синода от 20–28 мая 1908 года в Пензе был образован епархиальный миссионерский совет из 15 лиц под председательством ректора семинарии протоиерея П. Борисовского, – и это при наличии уже в епархии Иннокентиевского братства, учрежденного с теми же самыми целями. Поэтому вскоре Синоду пришлось выносить новое определение, разрешающее слить их в одно общество.

С целью просвещения татар светом Христовой веры еще в 1904 году в Пензе был открыт епархиальный комитет Православного миссионерского общества, но какой-либо существенной работы он не проводил за отсутствием предназначенного для этих целей епархиального миссионера. Наконец, 27 апреля 1912 года состоялся указ Св. Синода, учреждающего в епархии должность инородческого епархиального миссионера, на которую в сентябре 1913 года был назначен учитель Белебеевской земской школы Уфимской епархии Василий Мусин, окончивший Казанские миссионерские курсы. Он вроде бы и отрабатывал свой хлеб: совершил шесть поездок в места компактного проживания татарского населения, где проводил миссионерские беседы, но результаты его деятельности были

заранее predeterminedены религиозно-национальными особенностями татар, которые Преосвященный Митрофан охарактеризовал следующим образом: “Татары представляют из себя самую сплоченную из народностей России, не поддающуюся никаким влияниям со стороны господствующей русской народности. К русским они относятся с крайней подозрительностью, опасаясь с их стороны всяких попыток к обращению татар в христианство и обучению их русскому языку и русским обычаям. Татары пензенские в общей массе не менее фанатичны, чем татары крупных центров мухаммеданства. Они также, как казанские и уфимские татары, называют русских “кяфирами”, то есть нечестивцами, и считают великим грехом даже носить одежду русского покроя”.

В помощь епархиальному миссионеру по расколу протоиерею С. Магнусову в 1910 году были приданы три окружных миссионера: священник с. Пятины Саранского уезда М. Мартынов, священник с. Буды Наровчатского уезда Е. Куликов и священник с. Агапова Чембарского уезда П. Осокин. Кроме того, согласно определению Св. Синода от 20–28 мая 1908 года Преосвященный Митрофан обязал заниматься обличением раскола и сектантства всех пастырей епархии. Было признано целесообразным создавать в селах, где проживали раскольники и сектанты, миссионерские кружки, которые вначале появились в местах пребывания окружных миссионеров – в Будах, Пятине, Агапово. В 1910 году зарегистрированных числилось пять миссионерских кружков – кроме уже названных сел, еще в Алферьевке Пензенского уезда и Воротниках Саранского уезда, а также несколько незарегистрированных – в Мордовском Качиме, Архангельском Куракине, Павловском Куракине Городищенского уезда, Онучино Мокшанского уезда, Рыскино Наровчатского уезда, Саловке Саранского уезда, Шереметеве Чембарского уезда и др.

Для подготовки миссионеров были учреждены миссионерские курсы. Первые прошли в Поиме с 15 июня по 1 июля 1912 года. На них прибыло 8 священников, 7 диаконов, 15 псаломщиков, два учителя и 27 крестьян. Руководителем курсов был епархиальный миссионер С. Магнусов, помощниками – миссионеры священники Е. Куликов и А. Росницкий, а практические занятия вел священник М. Мартынов. Вторые курсы состоялись в 1913 году в Каменке Нижнеломовского уезда и продолжались с 16 по 30 июня. На этот раз в них приняло участие 68 человек: 8 священников, 12 диаконов, 22 псаломщика, 3 учителя сельских ЦПШ и 23 мирянина. Третьи миссионерские курсы были организованы с 26 сентября по 12 октября 1914 года в Троицком Сканоном монастыре и собрали, кроме братии монастыря, 41 человека: 6 священников, двух диаконов, 15 псаломщиков

и 18 мирян. Руководил ими, как и прежде, епархиальный миссионер. Лекции по расколо-сектантству читал священник Куликов, против неверия и социализма – священник Росницкий, а беседами заведовал священник Мартынов.¹³⁴

Указом Св. Синода от 11 июня 1910 года в Пензенской епархии с целью более удобного управления епархией было учреждено викариатство. Викарием по ходатайству епископа Митрофана стал кафедральный протоиерей Григорий Соколов, а настоятелем кафедрального собора вместо него был назначен законоучитель 1-й Пензенской мужской гимназии Владимир Иванович Лентовский.

Григорий Степанович Соколов родился 17 января 1843 года в семье причетника Ярославской епархии. В 1864 году окончил Ярославскую духовную семинарию, а в 1868 году – Московскую духовную академию и был определен в Пензенскую духовную семинарию на должность преподавателя церковной истории и практического руководства для пастырей. В следующем году он занял место учителя греческого языка, а в 1871 году получил степень магистра богословия. В 1872 году, продолжая оставаться преподавателем семинарии, Григорий Соколов был рукоположен в священника к Воскресенской церкви г. Пензы, но уже через несколько месяцев перешел в Пензенское епархиальное женское училище, где занял должности инспектора классов и настоятеля училищной церкви. Однако пробыл он здесь всего лишь три года, и в 1875 году стал настоятелем Никольской церкви г. Пензы, где ему предстояло нести службу на протяжении четверти века. Именно здесь он получил большинство своих наград: был награжден скуфьею, камилавкой, наперсным крестом, в 1885 году – саном протоиерея, затем последовательно – орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней и Св. Владимира 4-й и 3-й степеней. Параллельно с пастырской деятельностью он, оставив в 1875 году службу в семинарии, около 20 лет (по 1894 г.) состоял законоучителем 2-й Пензенской мужской гимназии. А с 1873 по 1882 год был благочинным пензенских городских церквей. 1 февраля 1900 года протоиерей Григорий Соколов был переведен на открывшуюся вакансию настоятеля кафедрального собора. Находясь там, он в 1903 году был награжден палицею, а в 1907 году – орденом Св. Анны 1-й ст., и наконец, за месяц до своего назначения викарием, Всемиловнейше пожалован из кабинета Его Императорского Величества митрою.¹³⁵

26 июня 1910 года в крестовой церкви Пензенского архиерейского дома состоялось пострижение протоиерея Григория в монашество, на следующий день в кафедральном соборе – возведение в сан архимандрита

та, 11 июля в Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры прошла его хиротония, а 17 июля епископ Григорий прибыл в Пензу, где Преосвященным Митрофаном на него были возложены следующие дела по епархиальному управлению: “1) определение псаломщиков (в сельских приходах), их перемещение, разрешение им вступления в брак, увольнение их от псаломщических должностей по прошениям и посвящение их в стихарь, а также принятие в Пензенский Спасо-Преображенский монастырь и увольнение из оного послушников; 2) наблюдение за преподаванием Закона Божия в светских средних и низших учебных заведениях города Пензы и Пензенской епархии; 3) утверждение законоучителей в министерских училищах и земских школах по представлению дирекции народных училищ; 4) определение и увольнение церковных старост в сельских приходах, а также утверждение попечителей и представителей от прихода; 5) утверждение церковноприходских советов и рассмотрение их постановлений; 6) разрешение браков в дозволенных степенях родства и при недостижении брачного совершеннолетия; 7) разрешение выдачи метрических свидетельств, выписок, справок из метрических книг, а также разрешение исправления неправильных записей в метриках событий рождения, брака, смерти и взыскания за них; 8) назначение епитимий светским лицам по судебным приговорам; 9) разрешение выдачи сборных книг на построение приходских церквей, а также разрешение сборов иноепархиальным сборщикам по таковым книгам в епархии; 10) рассмотрение дел по искам с духовных лиц по долговым обязательствам, а также дел о спорах между священноцерковнослужителями, возникающих из-за пользования движимую или недвижимую собственность, и о расчетах в земле и доходах (с предместниками по приходу); 11) разрешение ремонта часовен, молитвенных домов и оград вокруг церквей; 12) рассмотрение дел о проверке границ церковных и монастырских земель и о выдаче планов на оные; 13) назначение священников для привода к присяге в судебных и правительственных местах (кроме города Пензы); 14) рассмотрение дел о выписке и рассылке венчиков, разрешительных молитв, приходо-расходных и обыскных книг по церквям епархии; 15) рассмотрение дел о просвещении св. крещением и присоединение к Православию; 16) предварительное рассмотрение протоколов по следственным и вообще важнейшим и сложным делам”. Кроме этого, под управление епископа Григория перешел Пензенский Спасо-Преображенский монастырь, где ему и было назначено пребывание.

Приходилось викарию и временно управлять Пензенской епархией на момент отсутствия в ней епархиального архиерея, а также нередко

подменять Преосвященного Митрофана в его поездках с обзорением церквей и при освящении храмов.

6 мая 1914 года “во внимание к примерно-ревностному и отлично-полезному служению в священном сане” Преосвященный Митрофан был удостоен сана архиепископа, а 10 января 1915 года переведен на место архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира, который, в свою очередь, занял Пензенскую кафедру. Совершая 25 января в кафедральном соборе свою последнюю в Пензе литургию, Высокопреосвященный Митрофан с чувством глубокого сожаления произнес: “Жаль мне паству пензенскую. Жаль мне ее, как первенца моего самостоятельного архиепископского управления. Любил я ее, – и эту любовь к ней уношу с собою”. А через три дня навсегда покинул наш город. В 1919 году, когда связь с Патриархом Тихоном из-за гражданской войны была потеряна, архиепископ Митрофан организовал на Юго-Востоке России Временное Высшее Церковное Управление, объединившее под своим руководством несколько епархий, оказавшихся в стане генерала Деникина, за что в 1922 году был возведен в сан митрополита. В том же году он оказался в Нарымском крае в ссылке, где оставался до 1925 года. Затем, посчитав незаконным преемство высшего священноначалия в лице митрополита Сергия (Страгородского), ушел в григорианский раскол. Скончался он около 1930 года, так и не примирившись с Русской Православной Церковью.¹³⁶

